

УССР
Львов

27/III 88

Фрэн. театр им.
М. Заньковецкой

Львовская правда
г. Львов

27 марта 1988 года

СЕГОДНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ТЕАТРА

ПОКА МЫ ПОМНИМ — МЫ ЖИВЕМ

ОБ ЭТИХ ЛЮДЯХ пишут редко, но всегда уважительно. Пишут, как бы спохватываясь, словно открывая каждый раз читателям их заново. И может быть, потому все эти материалы, как правило, сопровождаются удручающе «интригующими» заголовками: «О тех, кого не видит зритель». Что правда, то правда — не видит. Замечают только их небрежности, ну, скажем, когда стены неприступного замка на сцене ходят ходуном, когда отклеивается ус у героя или когда вместо лорнета героиня достает из сумочки шариковую ручку... Это все называется накладками, и, хоть они неизменно вызывают живейшую реакцию зрительного зала, виновников — работников соответствующих производственных цехов — наказывают.

Якова Петровича Матяша, старшего машиниста сцены, не наказывают. Ни единого повода для этого за свою более чем сорокалетнюю работу в театре им. М. Заньковецкой он не дал. Но я хочу поведать не о том, как всегда безупречно смонтировано у него оформление к каждому спектаклю, а о необычном хобби Якова Петровича. Употребила вот модное слово — хобби, вроде бы точное, но такое художочное, что ли, применительно к тому, кто есть душевной потребностью этого всеми почитаемого в театре человека.

Он — летописец театра. В самом прямом, изначальном смысле этого слова. Каждый спектакль им фиксируется — будь то на основной сцене, на гастролях, на выезде. У Якова Петровича можно узнать все: когда и кем поставлен спектакль, кто играл, как изменялся состав исполнителей... Его «справочник» поражает не только своей просто-таки геродотической точностью. По нему можно проследить последовательную эволюцию письменных принадлежностей и этапы развития белой продукции наших типографий. Это — к слову. Хотя, согласитесь, выцветшие чернила на прологе, оторванной от газеты сорокалетней давности, — это сегодня уже реликвия.

Реликвии заньковчане ценят. Память в этом театре свежа и благодарна. Ее не извлекают из духовных хранилищ, как давно вышедшее из моды праздничное платье. Да и память театральная — особая. Хрупкая.

Но как же это имеет отношение к старшему машинисту сцены Якову Петровичу Ма-

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Гайдамаки». Слева направо — народный артист УССР Федор Стригун в роли Гонты, актеры Виктор Коваленко (старший гайдамака) и Евгений Федорченко (полявник).

тышу? Непосредственное. Равно, как и ко всем его коллегам по творческим и производственным цехам театра имени М. Заньковецкой.

НА ОБСУЖДЕНИИ спектакля «Гайдамаки» после сдачи его общественности Федор Николаевич Стригун, постановщик и исполнитель роли Гонты, сказал, что дал себе клятву, принимая театр в качестве главного режиссера, никогда не ставить спектаклей, ранее шедших на заньковчанской сцене и памятных тем, кто их прежде видел, кто принимал в них участие. Он сам, Стригун, играл Ярему в «Гайдамаках», поставленных В. Грипичем двадцать пять лет назад. Играл рядом с Владимиром Андреевичем Данченко — Гонтой, Доминаном Ивановичем Козачковским — Зализняком... Об этих актерах вспоминали все, кому довелось видеть

«Гайдамаки» постановки 1963 года. Как преобразились люди, вспоминать их!

Поэтому сопоставление двух постановок шевченковской

«Шукайте радість у словах» — это один из мудрых заветов Доминана Ивановича Козачковского. Как интересны его театральные афоризмы, наблюдения, советы коллегам, мысли о процессах, происходящих в украинском советском театре! Собранные в двух скромных тетрадках в клеенчатых обложках, они мудры, очень современные и ждут публикации (вот она, память критиков, театроведов...).

И вот сегодняшняя постановка «Гайдамаков» Ф. Стригуном, где верность традициям украинского эпического театра, трепетное отношение к шевченковскому слову высвечены мыслью режиссера 80-х годов, его художническим и политическим опытом.

Поэтому сопоставление двух постановок шевченковской

поэмы — а оно неизбежно лишено оценочного момента. И объединяющее начало — сценография М. Киприяна — может быть таковым лишь в плане связи времен.

Но анализ премьеры еще впереди, а мы возвратимся к тому спектаклю, где Гонту играл В. Данченко. Об этом актере тоже не написана еще книга, и это — существенный пробел в истории украинского советского театра.

В. Данченко в кино не снимался. Борис Васильевич Романицкий признавался, что сожалел о том, что не разрешил своему любимому ученику отвлекаться от театра. Да тот и не сетовал! Поглощенность его театром была абсолютной, самозабвенной. И Данченко не был в театре им. М. Заньковецкой исключением в этом плане!

Об этических правилах актеров этого театра рассказы-

вают много удивительного на вечерах, которые проходят во Львовском Доме актера под общим названием «Из семьи заньковчан».

КАК-ТО спросила я одного из ведущих актеров тернопольского театра, заслуженного артиста УССР Богдана Стецько — выпускника студии при театре им. М. Заньковецкой, кого он больше всего любил. (А нужно сказать, что тогда студийцы, да и не занятые в той или иной сцене актеры смотрели спектакли, стоя за кулисами). И Богдан Стецько ответил по-моему замечательно: «Не было кого не любить!».

Так вот, о вечерах. Они посвящаются памяти ушедших от нас мастеров театра, актеров и людей высочайшей творческой, человеческой, нравственной пробы.

Василий Сергеевич Яременко, Владимир Прокофьевич Аркушенко, Доминан Иванович Козачковский, Владимир Андреевич Данченко, Алексей Николаевич Рипко...

Звучат радиозаписи. Вспоминают коллеги, ученики, зрители. Неповторима атмосфера этих вечеров, где нет опасения сказать что-нибудь «не так», где серьезные раздумья о творческой ответственности перемежаются воспоминаниями, живыми, юмористическими. С особым блеском рассказывают забавные случаи Владимир Глухой и Борис Мирус.

Непременные участники этих вечеров — Любовь Каганова, Александр Гринько, Владимир Максименко, Федор Стригун, Галина Шайда, Богдан Кох и многие другие.

Среди «многих других», к сожалению, не так много имен заньковчанской молодежи.

Театр — модель общества, и коль скоро сегодня недоумение по поводу того, что дети в семье зачастую не знают ничего не только о своих дедах (не говоря о пра...), но и о родителях, смеялись неподдельной тревогой, то подобно явление в театре вроде бы в пределах этого нравственного отношения.

Но ведь в театре (в широком смысле) это небрежение памятью оборачивается оскудением мастерства. Связь здесь прямая. Усечение памяти — вырождение души, распад системы духовных ценностей.

Искусство — дело души человека. Когда она оскудевает, остаются только знаковые пометы.

Помню, одна способная

молодая актриса на вопрос, почему она не пришла на вечер памяти Алексея Николаевича Рипко, сказала иронически, что творчество этого режиссера ее «как-то никогда не вдохновляло, что он архаичен и вообще — «старой школы».

Но ведь лучшие спектакли этого режиссера — целый пласт культуры украинского сценического искусства, на них воспитались поколения первоклассных актеров. Судьба этого режиссера была трагична, ибо эстетика его школы себя исчерпала, а принципиальность его в искусстве не позволяла делать новомодные «прививки» ради того, чтобы угодить «новой волне» критиков. Об этом актриса даже не подозревала, история, когда она еще не на скрижалих, когда ее еще не «проходят» в театральном институте, — это некий «факкультатив», которому, конечно, не устоять супротив завлекательных телесериалов.

Это отнюдь не инвектива в адрес всей театральной молодежи. Великолепно опровержение возможности такого подозрения — вечера молодых заньковчан в Киеве и во Львове, где явственно прослеживалась кровная, благородная преемственность лучших традиций этого колллектива.

Но речь не только о молодых, родства не помнящих, из этого театра. В еще большей мере «провалы в памяти» свойственны молодежи Львовского театра ПриКВУ.

А ЯКОВ ПЕТРОВИЧ МАТЯШ тщательно вписал в свою «летопись» новую премьеру родного театра — «Гайдамаки». И в то время, как счастливые обладатели билетов уже собираются у еще закрытых дверей театра, а не менее счастливые администраторы счастливо охрипшими голосами из последних сил отвечают всем по телефону и устно, что билетов нет и не будет, дядя Яша, следуя строгим указаниям художника Мирона Владимировича Киприяна, вместе со своими ребятами выстраивает на сцене бесконечный, насыщенный тревогой и болью мир «Гайдамаков». Как 25 лет назад, хотя и все по-другому.

В этот мир войдут тоненькие, строго и скромно одатые (никаких лент, венков, бус, красных сапожек!) дезушки, думы Поэта. Будущее театра.

Пусть память и о них останется у зрителей живой, теплой и благодарной!

Светлана
РЯБКОБЫЛЕНКО.